

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА:
КОГНИТИВНЫЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

Научная статья
УДК 811.512.37 (Калм)
DOI: 10.18101/2305-459X-2020-3-79-87

**КАЛМЫЦКИЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР
КАК СИМВОЛ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

© **Батырева Кермен Петровна**

кандидат философских наук, доцент,
Институт калмыцкой филологии и востоковедения
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7
kermen77@yandex.ru

© **Карбушева Инна Васильевна**

ассистент,
Институт калмыцкой филологии и востоковедения
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7
uran@kalmsu.ru

© **Бембеев Евгений Владимирович**

кандидат филологических наук, доцент,
Институт калмыцкой филологии и востоковедения
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7
galdma@yandex.ru

Аннотация. В статье делается попытка описать одну из основных тематических групп, связанных с названиями традиционной верхней одежды, в частности головных уборов, касаясь при этом этнокультурных, лингвистических и этнографических данных. Головной убор у калмыков особо почитался и считался символом свободы. С ним связано много обрядов, ритуалов и поверий. Женский головной убор являлся определяющим маркером социальной и половозрастной дифференциации. В статье рассмотрены женские головные уборы — тамша, камчатка, халвц, хажилһа, тоорцг. Интересно, что форма калмыцких шапок хаджилга, халвиг/халмаг и конструкция калмыцкой кибитки в плане образуют круг и квадрат. Головной убор в знаковой системе калмыцкого костюма — традиционный маркер верхней мифологической зоны, а обязательный атрибутивный красный верх любого головного убора улан зала ‘красная кисть’ — символ Солнца, солярный знак.

Ключевые слова: калмыки; головные уборы; тамша; камчатка; халвц; хажилһа; тоорцг; улан зала; солнце.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00531 «Лексика материальной культуры калмыцкого языка: опыт этнолингвистического исследования» и 19-512-44002 Монг_т «Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно-сопоставительном анализе»

Для цитирования

Батырева К. П., Карбушева И. В., Бембеев Е. В. Калмыцкий женский головной убор как символ этнической идентичности // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 3. С. 79–87.

Как известно, этническая идентичность во многом определялась в образно-знаковой системе костюма, в котором особую знаковую подсистему моделирует комплекс предметов, составляющих головной убор. В условиях военно-кочевого быта важна роль визуальной коммуникационной системы костюма. Сигнальная характеристика костюма имела особое значение, на расстоянии сообщала первую информацию о его обладателе — таковы *этнодифференцирующие и этноинтегрирующие функции* костюма, моделировавшие границы пространства «своего и чужого», чувственно воспринимаемого в информационном поле этноса. Головные уборы в традиционной культуре разных народов являются наиболее важным элементом национального костюма. Женский головной убор являлся определяющим маркером социальной и половозрастной дифференциации.

Головной убор у калмыков особо почитался и считался символом свободы. С ним связано много обрядов, ритуалов и поверий. «Шапку нельзя было бросать где попало, если шапка лежала дном вверх — это насылало несчастье на человека, а если вдруг наденешь на голову две шапки — быть повторной женитьбе» [2, с. 114]. По преданиям калмыков: у того, кто долго носит старую шапку, счастье бывает коротким. Шапка должна соответствовать размеру головы. По этому поводу есть у калмыков пословица: *Зөвтэ үгд зүркн хандг, зөв махлад толһа хандг* «Когда справедливые слова говорят, то сердце радуется, когда шапка подходит, то голове приятно» [7, с. 105].

Головные уборы монголоязычных народов, прежде всего, были признаком родовой принадлежности носителя [9, с. 134]. Согласно свидетельству Г. Н. Потанина, разнообразие шапок западных монголов было обусловлено функцией дифференциации относительно других родственных племен [11, с. 30–31]. Бытование различных видов головных уборов среди калмыков в XIX–XX вв. говорит скорее о сохранении внешней стороны традиции, а также являются характерными признаками культурных маркеров калмыков в новом полиэтнокультурном окружении. Головные уборы калмыцких женщин, как и женщин многих других народов, кроме основного назначения выполняли еще и социальную функцию — указывали семейное положение хозяйки. Девичьи головные уборы были сравнительно однотипны, у замужних женщин они могли различаться в зависимости от рода и территории проживания. Для девушки предусматривались головные уборы двух типов: *тамша* и *камчатка*.

Тамша (томаш, тумаш) представляла собой круглую плисовую шапочку с закругленным верхом. В словаре А. М. Позднеева *тамаш* трактуется как ‘ма-

ленькая девичья шапочка' [10, с. 185], в словаре Рамстедта — 'eine kleine mutze (маленькая шапочка)' [14, с. 185]. В более поздних переводных и толковых словарях *томаи* 'девичья шапка' [7, с. 503], *томаи* 'четырёхугольная шапка с богатым узором (головной убор девушек и молодых женщин)' [12, с. 135], 'күүкн күүнэ махла (девичья шапка)' [13, с. 312]. Этимология данной лексемы восходит к тюркскому слову *tumaq* — 'меховая шапка, головной убор у некоторых народов Туркестана (киргизов, казахов, уйгуров)' [15, с. 483; 14, с. 410]. К *tumaq* также восходит наименование еще одной разновидности устаревшего калмыцкого головного убора *турмг* 'шапка с меховой опушкой' [7, с. 517]. Например, существует выражение *турмган өмсэд, токуган зүүһэд* 'надев шапку с меховой опушкой и подвесив токуги-подвески'.

Девичий головной убор *камчатк* также является заимствованием у тюркских народов Нижнего Поволжья, скорее всего алабугатских татар. Этот головной убор существовал в костюме молодых калмычек. Как отмечает У. Э. Эрдниев, «в начале XX в. в качестве праздничного головного убора девушек и молодых женщин встречались высоко ценившиеся нарядные *камчатки* — низенькие шапочки, украшенные эффектными вышивками, заимствованные, по всем данным, у татарского населения г. Астрахань» [18, с. 286].

Особый интерес представляет женский головной убор *халвн/халмаг*. В калмыцком языке этот головной убор трактуется как 'женская шапка' [10, с. 80], 'eine grosse, hohe und viereckige weiber mütze, mtdchen mütze (большая, высокая и квадратная женская шляпа, женская шляпа)' [14, с. 164], 'праздничный головной убор молодой калмычки' [12, с. 136], в языке ойратов Монголии *xalwan/xalban* — 'женский головной убор' [17, с. 98], в языке ойратов СУАР КНР — «высокая, с четырёхугольным верхом шапка замужней женщины» [16, с. 380], а в халха-монгольском языке — халбан '1) колпак, головной убор в виде колпака; 2) мужской головной убор с полями, обшитые мехом, бархатом' [1, с. 200].

Этимологически лексема халвн восходит к тюркской основе *калпак* с тем же значением vgl. tel. kir. kas. osm. *qalpaq* 'mütze' ('шапка') [14, с. 164], [кирг. 'остроконечная войлочная шапка', балк. 'войлочная шляпа', тат. 'женская шапка'] [15, с. 484]. Отметим, что в среде родственных и сопредельных этносов, окружающих полиэтничное окружение калмыков, данный головной убор *халвн/халмаг* не имеет аналогов, за исключением ойратов Синцзяня, прямых родственных племен, откочевавших с нижней Волги обратно в Джунгарию. По нашему мнению, второе название этого головного убора *халмаг* происходит ввиду чередования гласных фонем 'в' и 'м'. Согласно этому чередованию, в калмыцком языке в твердорядных словах согласная фонема 'в' в конце основы в позиции перед носовым 'н' ассимилируется по назальности и чередуется с носовым губно-губным 'м' [5, с. 38]. Также это название могло закрепиться в процессе идентификации со стороны других народов, думаем, оно связано с этнонимом калмыков *улан залата хальмгуд* 'краснокисточные калмыки'. Источники атрибутируют эту шапку как вид головного убора замужней женщины среднего возраста. В калмыцком языке существует выражение: *Сээхн халвангаан зун цох деерэн тальвх* — «надеть красивую высокую шапку, сдвинув набок, к левому виску». Употребление данной лексемы обнаруживается в текстах эпоса «Джангар» Ма-

лодербетовского, Багацохуровского циклов, а также в репертуаре Ээлян Овлы. Обладательницей данного головного убора является супруга Джангара Ага Шавдал. <...> Урн ээжнь ишкж гинэ, / Уржин Бадм гидг хатн уйж гинэ, / Тэвн туулн мөрн үнтэ гинэ / Таңсг мөнгн халвцган / Эрднь сээхн толһадан / Тальвж үмсч гинэ. <...> [БЦ] — ‘Почтенная мастерица которую скроила, / ханша Урджин Бадма которую сшила, Пятилетних пятидесяти коней ценою / Дивную, серебром расшитую халванг / На благородную голову надела она’.

Как известно, девичью шапку *камчатка* могла носить женщина до рождения первенца. Ввиду этого можем предположить, что шапку *халвнг* носили женщины, имеющие более одного ребенка. Как справедливо отмечает в своей работе У. Э. Эрдниев, «старинный головной убор замужней молодой и средних лет женщины — халмаг, круглая по форме и довольно тяжелая по весу шапка. Ее кошмовая основа обтягивалась черной шелковой материей (нередко парчей) и украшалась вышивкой из золотых или серебряных ниток. Существовал еще один головной убор, известный у калмыков под названием «үстэ халмаг» — меховая женская шапка четырехугольной формы, околыш которой делался из дорогого меха (соболя, бобра, выдры)» [18, с. 285–286].

Известно, что в пожилом возрасте женщины меняли этот головной убор на шапку *хаджилга*. Таким образом, головной убор *халвнг/халмаг* маркирует состояние молодой женщины, обозначая границы ее репродуктивной способности в продолжении рода. Неудивительно, что поговорка «*Хоёр күмиг холвдг күүкн урн көөрк гинэ, хол һазриг өөрдлүдг мөрн эрднь сээхн гинэ*» бытует в едином варианте в разных местах обитания этноса. Ойраты КНР и калмыки так говорят, когда выдают девушку замуж: *соединяющая людей девушка — мила, приближающий дальние расстояния конь — прекрасен, словно драгоценность* [16, с. 400]. Значение этой народной мудрости находит отражение в головном уборе *халвнг/халмаг*. Именно эта шапка выступает символом статуса женщины, объединившей в себе и детях два рода, две семьи, два поколения. Этим объясняется наличие конструктивного деления околыша впереди на две части и орнаментальных мотивов — традиционного растительного и геометрического, сопрягаемых с возрастом девичества и замужества женщины. Жизнь, даруемая женщиной в продолжение рода мужчины, представляет основную ценность бытия номада.

По сведениям конца XIX в., оставленным известным знатоком этнографии калмыцкого народа И. Житецким, с небольшими отличиями в стеганом орнаментальном декоре бытовала шапка *хаджилга*: «народная память не знает, когда они вошли в употребление» [6, с. 10]. По данным этнографических работ и словарям XIX — нач. XX в. этот вид головного убора был широко распространен среди всего пожилого населения степи. Например, в словаре А. М. Позднеева отмечается, что *хәјілу* ‘четырёхугольная мужская и женская шапка’, *kebtцлььqsen хәјілу* ‘такая же шапка с пришатою тульей’ [10, с. 85]. В Калмыцко-немецком словаре Г. Рамстедта — *хәјілу* ‘eine viereckige art pelzmutze (die eine seite ist niedriger)’ (меховая шапка квадратного типа (одна сторона ниже)) [14, с. 159]. В более поздних словарях термином *хәјилган* обозначается ‘четырёхугольная женская шапка’. Например, в Толковом словаре Г. Ц. Пюрбеева *хәјлһ* ‘медэтэ күүкд улсин дөрвлжн махла’ (головной убор четырехугольной формы пожилых калмычек) [12,

с. 136]. Как отмечает в своей работе У. Э. Эрдниев, «пожилые и преклонного возраста женщины носили довольно высокую и объемистую шапку *хаджилгу*, околыш ее делался из черной мерлушки, иногда из шкурки ягненка-выкидыша (каракульчи)» [18, с. 286].

Интересно, что в языке ойратов Синьцзяна КНР термин *хажилган* также обозначает *четырёхугольную женскую шапку* чаще красно-желтого цвета, но носимую пожилыми женщинами [16, с. 379]. В нашей интерпретации этимология названия калмыцкой шапки восходит к однокоренным словам *хажуу* — ‘сторона, бок’, *хажилгаха/у* — ‘наклонять набок’, *хажших* — ‘скривиться, быть кривым’, *хажууда* — ‘возле, около, рядом’, представляющим единый семантический ряд [7, с. 567]. Семантика непростой формы калмыцких шапок представляется нам внешним выражением структурированного самосознания этноса. Отметим, действительно фотоматериалы фиксируют ношение этой шапки пожилыми калмычками, а также ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Ключевым для понимания знаковой природы компонента костюма, и в целом всей системы, считаем его значение ‘сторона, бок’. Отсюда становится понятным ношение шапки *боком на угол* и *углом вперед* — согласно традиции, отраженной в названии убора. Очевидна пространственная привязка знака головного убора.

В калмыцком традиционном женском костюме широко распространен головной убор *тоорцг*. Как отмечает профессор У. Э. Эрдниев, «наиболее распространенным повседневным головным убором калмычек была маленькая круглая шапочка, которую пожилые женщины носят и сейчас» [18, с. 285]. Наименование этого головного убора восходит к общемонгольской лексеме *тоyуrуаq*, что в старописьменном монгольском языке обозначало предмет шишкообразной формы, поэтому имело несколько значений «сердечко цветка, цветная чашечка; волосы, собранные чубом, прическа; шишка хвойного дерева; головной убор» [8, с. 1817; 4, с. 130; 3, с. 205].

На примере лексемы *тоорцг* мы можем наблюдать процесс образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г [оуи] *тоорцг* < **тоyуrуаq*. Б. Я. Владимирцов отмечает, что в монгольских языках этот процесс выглядел так: «В очень раннюю эпоху междувокальные γ~g, а еще раньше *w начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря этому γ~g или исчезли вовсе или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был *и~ы*, и спирантом у тогда, когда один из гласных, первый, был *п > i ~ i*. В дальнейшем началось ослабление этих w и у и их полное исчезновение. Впоследствии два гласных, оказавшихся рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время [3, с. 215–216]». Вместе с тем Б. Я. Владимирцов отмечает, что «...как в одних наречиях получился долгий гласный, в других диалектах монгольских в тех же случаях долгого гласного не случилось, а сохранился заднеязычный шумный, наследник γ~g, или *w [3, с. 235]». В своей работе Б. Я. Владимирцов проводит следующий пример: монг.-письм. *тоyуrуаq* «волосы, собранные чубом, цветочная чашечка, шишка хвойного дерева, шапка конусообразной формы», *Халх.* тᠦᠷᠴᠢᠭ «шапка-торцык» | *Захач.* тоwᠦᠷᠴᠢᠭ «шишка, нагайка с завитым концом, узел на конце плети» [3, с. 205]. Таким образом, на почве различных монгольских наречий образовалось

две лексемы: I. *моорцг* [tõgсаq], которое обозначает ‘1) женская шапочка, украшенная кисточкой в форме шишки; 2) цветочная чашечка’ и II. *товрцг* [toburuoq] ‘1) шишка, желудь; 2) плеть, нагайка (короткая ременная плеть)’.

В монгольско-русских лексикографических памятниках XIX в. *моорцг* трактуется как ‘головной убор, прическа (*toγoruaq malayai* ‘кожаная шапка без опушки’) [8, с. 1817], ‘головной убор, прическа (*toγoruaq malayai* ‘кожаная шапка с опущенным вниз околышком’) [4, с. 130–131]. В современном калмыцком языке *моорцг* — это ‘*tõrtsag* ‘eine mütze (won weibern und weltlichen gerragen) женский головной убор’ [14, с. 405]; ‘женская шапочка’ [7, с. 506]; ‘круглая, плоская, с плоским верхом шапка из черной мерлушки (женская, мужская)’ [12, с. 127]. Таким образом, в отличие от ранних значений, в современном калмыцком языке лексемой *моорцг* обозначается как мужской, так женский головной убор круглой формы с плоским верхом, сшитый из черной мерлушки.

Как известно, каждый из предметов и атрибутов, входящих в ансамбль народного костюма, наряду с утилитарными выполняет еще целый ряд *знаковых функций*. Особую роль сакрального верха костюма выполняет головной убор, в совокупности с традиционными видами платья идентифицирующий эстетическое мировосприятие этноса.

Интересно, что форма калмыцких шапок *хаджилга*, *халвнг/халмаг* и конструкция калмыцкой кибитки в плане образуют круг и квадрат. Символизм и идентичность данных фигур в знаковых системах очевиден. Верх шапок *хаджилга* и *халмаг* — квадрат с четырьмя углами, фиксирующими стороны света, и круглое основание тульи составляют по меньшей мере универсальную схему пространства. Считаем, что не лишено основания использование символики буддийского мировоззрения как позднейшего пласта традиционной культуры в конструкции головного убора. Обратим внимание на должное положение шапки на голове — *углом вперед*, обязательная красная кисть головного убора находилась наверху в точке пересечения диагоналей квадрата — в центре, иногда спускаясь на угол. Красная кисть в центре связана с солярным и производным от него культом Огня.

Отсчет жизни в юрте начинается с очага. Здесь составляется родовой канал передачи энергии Солнца, символом и силой которого представляется Огонь, проекция небесного светила в жилом родовом пространстве номада. У калмыков культ поклонения огню имел женское воплощение в лице Хозяйки огня и очага *Окон Тенгри* (бур. Отхан Галахан). Первоначально древний культ огня в Монголии был воплощен в многоликом персонифицированном женском образе: *мать — огонь, мать — хан огня, мать очага, мать — богиня, мать — хозяйка огня Одган Галаган*, затем сменяющимся мужским. Подтверждает устремленность огня кверху и такой «религиозный обычай, если калмык увидит на земле что-нибудь красное или желтое, будь то нитка или лоскуток, — обязан поклониться, взять его и, встряхнув три раза, положить на чем-нибудь высоком, хотя бы на траве, лишь бы не прямо на земле» [6, с. 50]. В вертикальном знаковом пространстве костюма, подлежащем трехчастному делению, нетрудно вычленил сакральную зону, соотносимую с мифологическим верхним миром. Отметим, что мифологический космогонизм ойратов универсален в существовании троимирия

пространства и времени, базовых категорий в осмыслении мироздания. Головной убор в знаковой системе калмыцкого костюма — традиционный маркер верхней мифологической зоны, атрибутивный красный верх которого *улан зала* — солярный знак. Таким образом, этнический знак Солнца в зените в костюме обретает символическое звучание в универсальной семантике красного цвета. В эпических строках «Джангара» мы находим: «он целил прямо в красную основу жизни», «постарайся только сберечь — спасти драгоценную красную основу жизни» и др. Слово *улан* (красный) в калмыцких поговорках уподобляется значению «полноводный», поэтически связанному с понятием жизненного потенциала. Считаем, что эстетической и этнической доминантой традиционного мировосприятия калмыков является красный цвет, цвет жизни и цвет огня.

Калмыцкий головной убор — художественное явление традиции, проложившей собственный сложный путь к пониманию Человека в бытии. Его атрибутика алого цвета в виде неременной кисточки, махора, бусинки или полностью расшитого бахромой верха — есть символ солнца, дающего жизнь номадическому бытию, а значит Человек стоит во главе этнической философии бытия, равный самой Природе. Окультуренное и культурное пространство представляется своего рода зеркалом сознания, выражаемого его знаками, позволяющими прочитывать художественные образы сакральной информации. Черты этнической выделенности более всего фиксируются визуальными системами коммуникации. Составляя культурный коммуникационный комплекс наряду с традиционным жилищем, головной убор народа выражает общее, типическое, специфику традиционной культуры посредством знака и символа. Их художественно структурированный смысл фокусирует этнокультурные доминанты эстетического мировоззрения этноса. Самоназвание калмыков *улан залата хальмгуд* «красноверхие калмыки», фиксируя зрелость этнического сознания, органично воплощено метазнаком головного убора. Выделение *общего* из *специфического*, его последовательное преобразование в *универсальное*, свойственное всем культурам, есть процесс преодоления социокультурной дистанции. Так, архетипы сознания и стереотипы культуры проявляются, прежде всего, в неосвоенном пространстве, выражая и вырабатывая уникальное в сумме общих, типичных и специфических признаков в знаковых коммуникационных системах, какими являются художественный язык народного костюма и в первую очередь головные уборы.

Источники

[БЦ: III] — Багацохуровский цикл. Догшн Замбл хаана һалзу долан боднгиг Аср Улан Хондр Кунд Нартга Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / ред. А. Лувсандэндэв, Г. Ц. Пюрбеев, Ц. Цэдэндамба. М.: Наука, 2001. Т. 1. А–Г. 520 с. Т. 2. Д–О. 536 с. Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Наука, 2001–2002. Т. 4. Х–Я. 532 с.
2. Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
3. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М.: Наука: ГРВЛ, 1989. 449 с.

4. Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1–3. СПб., 1893–1895: литогр. переизд. Л., 1938.
5. Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология / П. Ц. Биткеев [и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
6. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. II, 75 с.
7. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
8. Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. N. 1–3. Казань, 1844–1849.
9. Ковешков Н.В. Головные уборы монголов в XIX–XX вв. // Советская этнография. М., 1973. № 3. С. 134–141.
10. Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 312 с.
11. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. II.
12. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
13. Пюрбеев Г. Ц. Хальмг келнэ тээлвр толь (Толковый словарь калмыцкого языка). Элиста: Изд-во Калм. гос. универ-та, 2020. 444 с.
14. Рамстедт Г. Й. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 592 s.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: монография / Э. Р. Тенишев [и др.]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
16. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.
17. Цолоо Ж. Монгол хувцас хунарын зарим нэрийн тухай [О некоторых названиях предметов монгольской одежды] // БНМАУ Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. № 3 (120). Улаанбаатар: БНМАУ Шинжлэх ухааны академи, 1991. С. 94–104.
18. Эрдниев У. Э., Максимов К. Н. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.

KALMYK WOMEN'S HEADDRESS AS A SYMBOL OF ETHNIC IDENTITY

Kermen P. Batyreva

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies
Gorodovikov Kalmyk State University
8 Pushkina St., Elista 358000, Russia
kermen77@yandex.ru

Inna V. Karbusheva

Department of Mongolian Philology
Kalmyk Science Center of the Russian Academy of Sciences
8 Pushkina St., Elista 358000, Russia
uran@kalmsu.ru

Evgeniy V. Bembeev

Cand. Sci. (Phil.), Senior Researcher,

Department of Mongolian Philology

Kalmyk Science Center of the Russian Academy of Sciences

8 Pushkina St., Elista 358000, Russia

galdma@yandex.ru

Abstract. This article attempts to describe one of the main thematic groups associated with the names of traditional outerwear, in particular, hats, while touching upon ethnocultural, linguistic and ethnographic data. The Kalmyks' headdress was especially revered and considered a symbol of freedom. Many ceremonies, rituals and beliefs are associated with it. The female headdress was a defining marker of social and gender and age differentiation. The article discusses women's headdresses — tamsha, kamchatka, khalvŋ, khajilya, toortsq. It is interesting that the shape of the Kalmyk hadzhilga, halvng / halmag hats and the design of the Kalmyk wagon form a circle and a square in the plan. The headdress in the symbolic system of the Kalmyk costume is a traditional marker of the upper mythological zone, and the obligatory attributive red top of any headdress of the ulan hall 'red brush' is a symbol of the sun, a solar sign.

Keywords: Kalmyks, headdresses, tamsha, kamchatka, khalvŋ, khajilya, toortsq, ulan hall, sun.

Статья поступила в редакцию 26.10.2020; одобрена после рецензирования 13.11.2020; принята к публикации 01.12.2020.